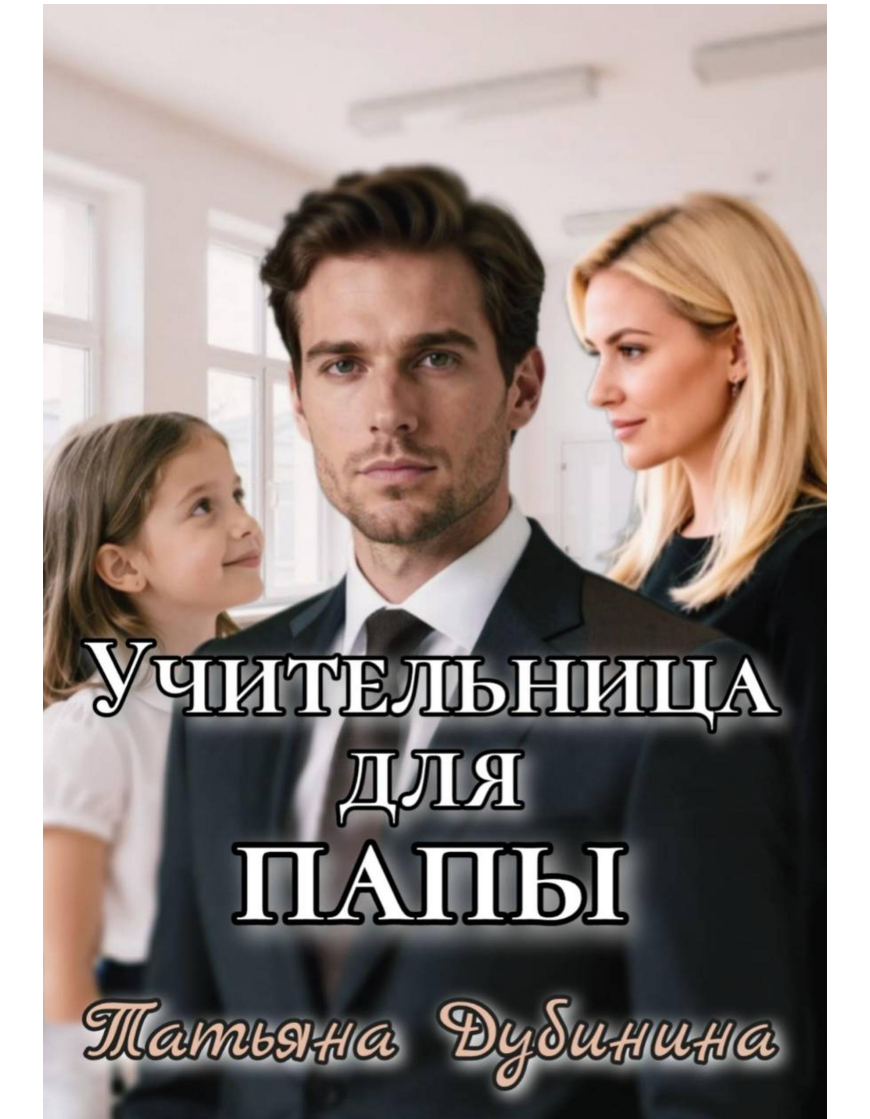

A family portrait featuring a man with dark hair and a beard, a woman with blonde hair, and a young girl with brown hair. They are all looking towards the right side of the frame. The man is in the center, wearing a dark suit and tie. The woman is to his right, and the girl is to his left. They are in a bright room with large windows in the background.

УЧИТЕЛЬНИЦА ДЛЯ ПАПЫ

Патьяна Дудинина

Татьяна Дубинина

Учительница для папы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73579008

SelfPub; 2026

Аннотация

Как познакомить папу с любимой учительницей? Ведь он ни разу даже не приходил в школу. Хорошо, что есть верный друг, который всегда готов дать дельный совет или устроить драку...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Учительница для папы

Глава 1

Перемена в классе была похожа на маленький ураган. Воздух сотрясался от криков, топота и шуршания фантиками. Только в самом дальнем углу, у подоконника, было немного тише.

Перемена в классе была похожа на маленький ураган. Воздух сотрясался от криков, топота и шуршания фантиками. Только в самом дальнем углу, у подоконника, было немного тише.

Маша Соловьёва, второклассница с двумя аккуратными хвостиками и бантами, которые, казалось, были завязаны раз и навсегда на атласный узел, задумчиво водила пальцем по учебнику. Рядом, болтая ногой в разношенном кеде, сидел Кирилл – её сосед по парте и главный сообщник во всех тайных делах.

Маша Соловьёва, второклассница с двумя аккуратными хвостиками и бантами, которые, казалось, были завязаны раз и навсегда на атласный узел, задумчиво водила пальцем по учебнику. Рядом, болтая ногой в разношенном кеде, сидел Кирилл – её сосед по парте и главный сообщник во всех тайных делах.

– А я всё равно считаю, что она самая красивая, – тихо,

но убеждённо сказала Маша, кивая в сторону учительского стола, где Елена Александровна поправляла стопку тетрадей. Учительница тепло и понимающе улыбнулась пробегающему мимо второклашке. – И добрая. Вот если бы у меня была мама, я бы хотела, чтобы она была точно такая же.

– А я всё равно считаю, что она самая красивая, – тихо, но убеждённо сказала Маша, кивая в сторону учительского стола, где Елена Александровна поправляла стопку тетрадей. Учительница тепло и понимающе улыбнулась пробегающему мимо второклашке. – И добрая. Вот если бы у меня была мама, я бы хотела, чтобы она была точно такая же.

Кирилл перестал болтать ногой и стал серьёзным.

Кирилл перестал болтать ногой и стал серьёзным.

– А почему нет? Ну, попроси папу, пусть познакомятся.

– А почему нет? Ну, попроси папу, пусть познакомятся.

Маша вздохнула так глубоко, что бант на макушке дрогнул.

Маша вздохнула так глубоко, что бант на макушке дрогнул.

– Ты что, не понимаешь? Папа её ни разу даже не видел. На родительские собрания всё время бабушка ходит. Меня в школу дядя Коля на машине привозит. Папа всё время занят. У него «бизнес» и «совещания».

– Ты что, не понимаешь? Папа её ни разу даже не видел. На родительские собрания всё время бабушка ходит. Меня в школу дядя Коля на машине привозит. Папа всё время занят.

У него «бизнес» и «совещания».

– А твоя мама где, ты никогда не рассказывала? – спросил Кирилл, грызя яблоко. Вопрос был прямой, без подтекста, как все вопросы в восемь лет.

– А твоя мама где, ты никогда не рассказывала? – спросил Кирилл, грызя яблоко. Вопрос был прямой, без подтекста, как все вопросы в восемь лет.

– Мама? – Машины голубые глаза на секунду стали совсем взрослыми и грустными. – Мама умерла. Давно. Я её совсем не помню, только на фотографии. Но мне очень-очень хочется маму. – Она помолчала. – И сестру. Или хотя бы братика. А у папы всё работа да работа.

– Мама? – Машины голубые глаза на секунду стали совсем взрослыми и грустными. – Мама умерла. Давно. Я её совсем не помню, только на фотографии. Но мне очень-очень хочется маму. – Она помолчала. – И сестру. Или хотя бы братика. А у папы всё работа да работа.

Кирилл задумчиво откусил ещё кусок яблока. Он смотрел на проблему комплексно: есть задача, нужно решение.

Кирилл задумчиво откусил ещё кусок яблока. Он смотрел на проблему комплексно: есть задача, нужно решение.

– Слушай, – его глаза загорелись. – А если сделать так, чтобы его в школу вызвали?

– Слушай, – его глаза загорелись. – А если сделать так, чтобы его в школу вызвали?

– Как это? – Маша насторожилась.

– Как это? – Маша насторожилась.

– Ну, например, за драку! – Кирилл даже привстал от восторга от собственной идеи. – Если ты подерёшься, учитель сразу звонит родителям! Точно-точно!

– Ну, например, за драку! – Кирилл даже привстал от восторга от собственной идеи. – Если ты подерёшься, учитель сразу звонит родителям! Точно-точно!

Маша посмотрела на него с сожалением, как смотрела, когда он путал безударные гласные.

Маша посмотрела на него с сожалением, как смотрела, когда он путал безударные гласные.

– Кирилл, я отличница. Меня каждый день хвалят. Кого она вызовет? Бабушку? Нет, не сработает.

– Кирилл, я отличница. Меня каждый день хвалят. Кого она вызовет? Бабушку? Нет, не сработает.

Кирилл сник, но лишь на секунду. Он был бойцом.

Кирилл сник, но лишь на секунду. Он был бойцом.

– А если не ты подерёшься? – хитро прищурился он. – Если, например, я с тобой подерусь? Вернее, ты мне сдачи дашь?

– А если не ты подерёшься? – хитро прищурился он. – Если, например, я с тобой подерусь? Вернее, ты мне сдачи дашь?

– Я против насилия, – твёрдо сказала Маша, скрестив руки на груди. – Нас Елена Александровна учит «решать конфликты мирным разговором».

– Я против насилия, – твёрдо сказала Маша, скрестив руки на груди. – Нас Елена Александровна учит «решать конфликты мирным разговором».

– Так это же ради хорошего дела! – воскликнул Кирилл шёпотом, чтобы не услышала учительница. – Ради такой мамы можно и потерпеть! Слушай план, Соловьёва.

– Так это же ради хорошего дела! – воскликнул Кирилл шёпотом, чтобы не услышала учительница. – Ради такой мамы можно и потерпеть! Слушай план, Соловьёва.

Он оглянулся по сторонам, проверяя, нет ли шпионов.

Он оглянулся по сторонам, проверяя, нет ли шпионов.

– Сейчас перемена кончится, будет урок. Я специально буду к тебе приставать. Списывать там или ручку отниму. А ты меня – раз! – и по лицу ладошкой. Не сильно, конечно, для дела. Я разревусь, пожалуюсь Елене Александровне. Меня спросят: «Кто?». Я скажу: «Соловьёва!». И всё! Твоего папу вызовут в школу. Тут уж он никуда не денется.

– Сейчас перемена кончится, будет урок. Я специально буду к тебе приставать. Списывать там или ручку отниму. А ты меня – раз! – и по лицу ладошкой. Не сильно, конечно, для дела. Я разревусь, пожалуюсь Елене Александровне. Меня спросят: «Кто?». Я скажу: «Соловьёва!». И всё! Твоего папу вызовут в школу. Тут уж он никуда не денется.

Маша смотрела на него огромными глазами, в которых ужас от предстоящего «преступления» боролся с надеждой.

Маша смотрела на него огромными глазами, в которых

ужас от предстоящего «преступления» боролся с надеждой.

– А тебе не достанется из-за того, что ты мне мешал?

– А тебе не достанется из-за того, что ты мне мешал?

– Нет, – важно ответил Кирилл. – Я же буду пострадавший. Меня пожалеют, конфетку дадут. А твой папа придёт, увидит Елену Александровну... и всё... влюбится... наверное...

– Нет, – важно ответил Кирилл. – Я же буду пострадавший. Меня пожалеют, конфетку дадут. А твой папа придёт, увидит Елену Александровну... и всё... влюбится... наверное...

Маша колебалась. Это было неправильно. Это был обман. Но в груди у неё рос луч надежды, как будто там зажгли маленький, но очень храбрый фонарик.

Маша колебалась. Это было неправильно. Это был обман. Но в груди у неё рос луч надежды, как будто там зажгли маленький, но очень храбрый фонарик.

Звонок на урок прозвенел неожиданно.

Звонок на урок прозвенел неожиданно.

– Ну? – Кирилл уже засучил рукава, готовый к подвигу. – Ты как, Соловьёва? Идёшь на дело?

– Ну? – Кирилл уже засучил рукава, готовый к подвигу. – Ты как, Соловьёва? Идёшь на дело?

Маша посмотрела на Елену Александровну, которая входила в класс с журналом под мышкой, такая красивая и светлая. Потом перевела взгляд на Кирилла – верного рыцаря,

готового принять удар ради её счастья. Сердце громко стучало.

Маша посмотрела на Елену Александровну, которая входила в класс с журналом под мышкой, такая красивая и светлая. Потом перевела взгляд на Кирилла – верного рыцаря, готового принять удар ради её счастья. Сердце громко стучало.

– Иду, – выдохнула она, и в этом слове смешались страх, надежда и твёрдая решимость маленькой девочки, которая решила во что бы то ни стало подарить себе маму, а папе – любовь.

– Иду, – выдохнула она, и в этом слове смешались страх, надежда и твёрдая решимость маленькой девочки, которая решила во что бы то ни стало подарить себе маму, а папе – любовь.

Глава 2

Олег Ярославович появился на пороге квартиры, когда большая стрелка на кухонных часах уже перевалила за девять. От него пахло морозным воздухом и дорогим парфюмом.

Олег Ярославович появился на пороге квартиры, когда большая стрелка на кухонных часах уже перевалила за девять. От него пахло морозным воздухом и дорогим парфюмом.

Маша не спала. Она сидела на диване в гостиной с книжкой, но строчки прыгали перед глазами. Сердце всё ещё глухо стучало в ритме сегодняшнего «преступления».

Маша не спала. Она сидела на диване в гостиной с книжкой, но строчки прыгали перед глазами. Сердце всё ещё глухо стучало в ритме сегодняшнего «преступления».

– Пап, привет, – она подбежала и уткнулась носом в его пальто, пока он его расстёгивал.

– Пап, привет, – она подбежала и уткнулась носом в его пальто, пока он его расстёгивал.

– Привет, куколка, – он чмокнул её в макушку и наконец-то сбросил с плеч груз рабочего дня. – Как дела? Что сегодня в школе?

– Привет, куколка, – он чмокнул её в макушку и наконец-то сбросил с плеч груз рабочего дня. – Как дела? Что

сегодня в школе?

– Пап... – Маша глубоко вздохнула, готовясь к главному. – Тебя завтра в школу вызывают.

– Пап... – Маша глубоко вздохнула, готовясь к главному. – Тебя завтра в школу вызывают.

Олег Ярославович замер с полу-расстёгнутой пуговицей на рубашке. Он повернулся к дочери и посмотрел на неё с искренним изумлением. Его «куколка», тихая отличница, маленький книжный червячок?

Олег Ярославович замер с полу-расстёгнутой пуговицей на рубашке. Он повернулся к дочери и посмотрел на неё с искренним изумлением. Его «куколка», тихая отличница, маленький книжный червячок?

– В смысле вызывают? Маш, ты что, разбила окно? Зава-лила все контрольные?

– В смысле вызывают? Маш, ты что, разбила окно? Зава-лила все контрольные?

– Я побила мальчика, – выпалила она.

– Я побила мальчика, – выпалила она.

Папа моргнул. Потом ещё раз. Казалось, реальность дала сбой.

Папа моргнул. Потом ещё раз. Казалось, реальность дала сбой.

– Ты? Побила? – он невольно улыбнулся, представив, как его восьмилетняя дочь с хвостиками и бантиками кого-то «бьёт». – Ты серьёзно? Зачем?

– Ты? Побила? – он невольно улыбнулся, представив, как его восьмилетняя дочь с хвостиками и бантиками кого-то «бьёт». – Ты серьёзно? Зачем?

Маша опустила глаза, вспоминая утреннюю легенду.

Маша опустила глаза, вспоминая утреннюю легенду.

– Он мешал на уроке. Всё время ко мне приставал, ручку отнимал, разговаривал. Я не выдержала и ударила.

– Он мешал на уроке. Всё время ко мне приставал, ручку отнимал, разговаривал. Я не выдержала и ударила.

– Подожди-подожди, – папа прошёл на кухню, жестом показывая Маше следовать за ним. Он был голоден. – А где была учительница? Почему она не следила за порядком?

– Подожди-подожди, – папа прошёл на кухню, жестом показывая Маше следовать за ним. Он был голоден. – А где была учительница? Почему она не следила за порядком?

– Она ни в чём не виновата! – горячо вступилась Маша. – Елена Александровна в это время писала задание на дом на доске. Она стояла спиной. Она правда не видела.

– Она ни в чём не виновата! – горячо вступилась Маша. – Елена Александровна в это время писала задание на дом на доске. Она стояла спиной. Она правда не видела.

– Маш, – голос отца стал твёрже, тем самым тоном, которым он, наверное, говорил на своих совещаниях произнёс. – Учительница несёт ответственность за класс. Если она отвернулась, и дети начали драку – это её недоработка. Я завтра приду и скажу ей об этом.

– Маш, – голос отца стал твёрже, тем самым тоном, которым он, наверное, говорил на своих совещаниях произнёс. – Учительница несёт ответственность за класс. Если она отвернулась, и дети начали драку – это её недоработка. Я завтра приду и скажу ей об этом.

У Маши внутри всё похолодело. Операция «Мама» пошла не по плану. Папа собирался не знакомиться и влюбляться, а ругаться!

У Маши внутри всё похолодело. Операция «Мама» пошла не по плану. Папа собирался не знакомиться и влюбляться, а ругаться!

– Папочка, нет! – она дёрнула его за рукав рубашки. – Пожалуйста, не надо на неё кричать. Она самая лучшая. Она добрая. Она нас очень любит. Это я виновата, я ударила, понимаешь? Я!

– Папочка, нет! – она дёрнула его за рукав рубашки. – Пожалуйста, не надо на неё кричать. Она самая лучшая. Она добрая. Она нас очень любит. Это я виновата, я ударила, понимаешь? Я!

– Но ты же сказала, он приставал, – нахмурился Олег Ярославович. Он не понимал этой женской логики. То виновата, то не виновата.

– Но ты же сказала, он приставал, – нахмурился Олег Ярославович. Он не понимал этой женской логики. То виновата, то не виновата.

– Приставал, но бить – это неправильно, – Маша шмыгну-

ла носом, и слёзы навернулись на глаза уже совсем искренне, не для плана, а от страха, что всё испортит. – Елена Александровна нас учит мириться. Я просто не сдержалась. Пожалуйста, не ругай её. Пообещай!

– Приставал, но бить – это неправильно, – Маша шмыгнула носом, и слёзы навернулись на глаза уже совсем искренне, не для плана, а от страха, что всё испортит. – Елена Александровна нас учит мириться. Я просто не сдержалась. Пожалуйста, не ругай её. Пообещай!

Олег Ярославович смотрел на дочь и видел в её глазах такую отчаянную мольбу, будто речь шла о жизни и смерти. Он устало потёр переносицу. Женщины... даже маленькие, всегда умеют поставить мужчину в тупик.

Олег Ярославович смотрел на дочь и видел в её глазах такую отчаянную мольбу, будто речь шла о жизни и смерти. Он устало потёр переносицу. Женщины... даже маленькие, всегда умеют поставить мужчину в тупик.

– Ладно, куколка, – сдался он, притягивая её к себе. – Не буду я никого ругать. Просто поговорю. Выясню, что случилось. Успокойся.

– Ладно, куколка, – сдался он, притягивая её к себе. – Не буду я никого ругать. Просто поговорю. Выясню, что случилось. Успокойся.

Маша прижалась к нему, чувствуя запах его одеколona и счастье от того, что катастрофа отложена. Но внутри неё боролись два чувства: радость, что папа всё-таки идёт в школу

и увидит Елену Александровну, и страх, что он всё испортит своим серьёзным, деловым видом.

Маша прижалась к нему, чувствуя запах его одеколona и счастье от того, что катастрофа отложена. Но внутри неё бо-ролись два чувства: радость, что папа всё-таки идёт в школу и увидит Елену Александровну, и страх, что он всё испортит своим серьёзным, деловым видом.

– Пап, – прошептала она в его рубашку. – Ты только приходи завтра не в этом строгом костюме. И не хмурься. И скажи ей спасибо за то, что она... ну... за то, что она есть. Ладно?

– Пап, – прошептала она в его рубашку. – Ты только приходи завтра не в этом строгом костюме. И не хмурься. И скажи ей спасибо за то, что она... ну... за то, что она есть. Ладно?

Олег Ярославович удивлённо поднял бровь, но кивнул.

Олег Ярославович удивлённо поднял бровь, но кивнул.

Странные пошли дети. Бьют мальчиков, просят говорить спасибо учителям.

Странные пошли дети. Бьют мальчиков, просят говорить спасибо учителям.

Он посадил Машу смотреть мультик, а сам вернулся к ужину, размышляя о том, что завтрашний день, который обещал быть обычным рабочим днём с переговорами в полдень, неожиданно начал обрастать странными планами. Школа. Драка. И какая-то Елена Александровна, которую

его дочь, кажется, сильно любит.

Он посадил Машу смотреть мультик, а сам вернулся к ужину, размышляя о том, что завтрашний день, который обещал быть обычным рабочим днём с переговорами в полдень, неожиданно начал обраться странными планами. Школа. Драка. И какая-то Елена Александровна, которую его дочь, кажется, сильно любит.

– Елена Александровна... – задумчиво повторил он вслух, пробуя холодную котлету.

– Елена Александровна... – задумчиво повторил он вслух, пробуя холодную котлету.

В соседней комнате Маша, глядя на экран, думала о том же. И надеялась, что завтра всё сложится правильно. Очень-очень надеялась.

В соседней комнате Маша, глядя на экран, думала о том же. И надеялась, что завтра всё сложится правильно. Очень-очень надеялась.

Глава 3

Вечер за окном маленькой квартирки Елены Александровны был тих и задумчив. На столе остывал чай, рядом лежала раскрытая тетрадь с планом урока на завтра, но мысли молодой учительницы были далеко.

Вечер за окном маленькой квартирки Елены Александровны был тих и задумчив. На столе остывал чай, рядом лежала раскрытая тетрадь с планом урока на завтра, но мысли молодой учительницы были далеко.

Елена Александровна откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Сегодняшний день никак не шёл из головы.

Елена Александровна откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Сегодняшний день никак не шёл из головы.

Соловьёва Маша. Её «золотая» девочка. Аккуратная, внимательная, с трогательной серьёзностью в глазах. Та, что всегда тянет руку, но никогда не выкрикивает с места. Та, что остаётся после уроков помочь протереть доску, хотя её об этом никто не просит.

Соловьёва Маша. Её «золотая» девочка. Аккуратная, внимательная, с трогательной серьёзностью в глазах. Та, что всегда тянет руку, но никогда не выкрикивает с места. Та, что остаётся после уроков помочь протереть доску, хотя её об этом никто не просит.

И вдруг – драка. Нет, даже не драка, а какой-то театр двух

актёров. Елена краем глаза видела эту сцену, обернувшись от доски. Кирилл, этот вечный непоседа, сидел с таким видом, будто только что лично спас мир, а на глазах у него, между прочим, блестели самые настоящие слёзы. Но они блестели как-то... победно, что ли? А Маша стояла рядом с опущенными руками и смотрела на неё, с такой отчаянной надеждой и страхом одновременно, что сердце учительницы сжалось.

И вдруг – драка. Нет, даже не драка, а какой-то театр двух актёров. Елена краем глаза видела эту сцену, обернувшись от доски. Кирилл, этот вечный непоседа, сидел с таким видом, будто только что лично спас мир, а на глазах у него, между прочим, блестели самые настоящие слёзы. Но они блестели как-то... победно, что ли? А Маша стояла рядом с опущенными руками и смотрела на неё, с такой отчаянной надеждой и страхом одновременно, что сердце учительницы сжалось.

– Девочка моя, что же ты задумала? – прошептала Елена вслух, помешивая ложечкой остывший чай.

– Девочка моя, что же ты задумала? – прошептала Елена вслух, помешивая ложечкой остывший чай.

Она почти не сомневалась: этот удар был постановкой. Дети так часто пытаются привлечь внимание, но обычно грубо, неумело. А здесь была какая-то... тонкая работа. Слишком продуманная для второклассников.

Она почти не сомневалась: этот удар был постановкой. Дети так часто пытаются привлечь внимание, но обычно грубо, неумело. А здесь была какая-то... тонкая работа. Слишком

продуманная для второклассников.

И всё же Елена по правилам вызвала отца. Вернее, записала его на беседу, которую назначила на завтра. Просто потому, что так надо. Потому что даже постановочная драка – это повод поговорить с родителями.

И всё же Елена по правилам вызвала отца. Вернее, записала его на беседу, которую назначила на завтра. Просто потому, что так надо. Потому что даже постановочная драка – это повод поговорить с родителями.

Отца Маши она не видела ни разу. За год с хвостиком. На собрания приходила пожилая женщина, сухонькая, вежливая, немногословная – бабушка. Маша как-то обмолвилась: «Папа работает, у него бизнес». И в этом «бизнесе» слышалось что-то огромное, съедающее всё папино время.

Отца Маши она не видела ни разу. За год с хвостиком. На собрания приходила пожилая женщина, сухонькая, вежливая, немногословная – бабушка. Маша как-то обмолвилась: «Папа работает, у него бизнес». И в этом «бизнесе» слышалось что-то огромное, съедающее всё папино время.

– Мама у неё... – Елена запнулась, прогоняя внезапную горечь.

– Мама у неё... – Елена запнулась, прогоняя внезапную горечь.

Она знала, что у Маши нет мамы. Девочка сама рассказала как-то на перемене, просто и буднично, как говорят о погоде: «Моя мама умерла, я её не помню». И в этой будничности

было столько боли, что она тогда еле сдержала слёзы.

Она знала, что у Маши нет мамы. Девочка сама рассказала как-то на перемене, просто и буднично, как говорят о погоде: «Моя мама умерла, я её не помню». И в этой будничности было столько боли, что она тогда еле сдержала слёзы.

Потому что Елена знала это чувство. Знакомое до дрожи, до холодка под ложечкой чувство пустоты там, где должен быть самый родной человек.

Потому что Елена знала это чувство. Знакомое до дрожи, до холодка под ложечкой чувство пустоты там, где должен быть самый родной человек.

Её мама тоже ушла рано. Лене было восемь – ровно столько, сколько сейчас её ученикам. Она осталась с отцом – растерянным, молчаливым инженером, который понятия не имел, как заплетать косички и о чём говорить с дочерью, когда у неё впервые разболелся живот. Её спасала тётя, папина сестра. Она приходила, варила суп, проверяла уроки, учила её женским хитростям и просто обнимала. Тётя стала для неё тем самым окном в мир, где тепло, где пахнет уютом и где тебя понимают без слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.